

2 МАР 1983

ВПЕЧАТЛЕНИЕ

ЖИЗНЬ ПОЭТА

П О С Л Е его смерти я вновь увидел его живым. Это было, как во сне — томительном, тревожном и нечаянно радостном, когда существуешь одновременно в двух мирах. Живешь в сновиденье, а между тем поглядываешь на себя со стороны и все просишь и просишь кого-то: «Не прерывайте, пожалуйста, не прерывайте...»

Четвертый год уже нет Константина Симонова, и вот я снова вижу его воочию. Он стоит на большой сцене, красиво-седой, кавалергардской стати, чуть сутулясь, будто стесняется своего роста. Все нам наврало. Он никогда не умирал, и мы не стояли, опустив головы, вокруг его гроба. Он жив, и в первом же стихотворении, которое он читает, мы, потрясенные, слышим слова: «Он жив!». Как будто это о себе. Только почему же в третьем лице? Как странно. Но наваждение проходит. После паузы строфа продолжается: «Он жив. Он сейчас под Уэской. Солдаты усталые спят. Над ним арагонские лавры тяжелой листвой шелестят». Это стихи о венгерском коммунисте-эмигранте, жителе Москвы, погибшем под именем генерала Лукача на гражданской войне в Испании. Когда это было? В 1937 году.

Поэзия перелистывает страницы времени. Юноша Симонов чуял приближение боль-

шой безжалостной войны и еще в 1938 году, написав стихотворение «Однополчане», пророчески воскликнул: «Святая ярость наступленья, боев жестокая страда завяжут наше поколение в железный узел, навсегда».

Под сводами зала гремят стихи об Отечественной войне, слышен ее голос, напряженный и хриплый от дыма и стужи. Она сама вошла сюда со всей ее болью, воем раскаленного железа и воле к победе. Она вошла, понимая и чувствуя, что в центре военной драмы находится, как всегда, человек-боец с бьющимся в груди мускулом сердца, отделенным от губительного огня лишь небольшим покровом костной ткани. Имя этого человека — Советский солдат.

Строфа за строфой, стихи за стихами читалась гражданская поэзия, вся насквозь овеванная и согретая, как дыханием, душевной печалью, надеждой и верой автора.

У Симонова спросили запиской: «Верите ли вы в то, что поэзия может влиять на ход общественных событий?»

Он помолчал и ответил: — Я старался, как мог. — И прочел знаменитое «Убей его!».

Священный этот призыв к беспощадной борьбе против

захватчиков — мы знаем — прозвучал тогда на всю страну. Он прочел необыкновенное «Жди меня» — этот завет любви и ее заклинание. Череду женских лиц, прекрасных в своем сердечном трепете, выхватила камера телеоператора из зрительного зала. Что в их глазах? Отсветы юпитеров или слезинки? Они без слов подтвердили нам магическую, действующую и сегодня силу стихотворения, написанного свыше сорока лет назад. Да, такие стихи могут влиять на судьбы людей, на жизнь. Поэзия Симонова была влиятельной.

Стоит на сцене поэт. Благородство и обаяние его облика и натуры, цельность и

благородство его стихов аудитория оценила по высшему баллу оваций. Идет проверка временем. Живут, не стареют, не блекнут и не вянут стихи всех симоновских циклов — «Соседям по юрте», «Из дневника», «С тобой и без тебя», «Друзья и враги»... Эта поэзия, вся без остатка, вынесена из пекла нашей жизни, нашей борьбы, наших чувств, им посвящена. В ней все кровное, советское, родное.

Стоит на сцене поэт-гражданин в неотразимой своей молодой седине, и только почему-то нет-нет да и покашливает. Кашель короткий, сухой, нехороший. Симонов вынимает из кармана платок, вытирает предательский пот на лице и будто спогоняет с него набевашую тень. Он болен. Но еще не верит в тайную силу болезни, хочет побороть ее пренебрежением...

Двадцать третьего февраля этого года на телевизионных экранах шло повторение вечера Константина Симонова в Останкине, снятого в январе 1977 года. Я смотрел на своего друга, думал о фронтном поколении писателей и мысленно повторял горестные слова одного молодого и умного литератора: «Куда же вы уходите! Не бросайте нас так рано и горько. Вы нам всем очень нужны».

Александр
КРИВИЦКИЙ